



ЗАМОЙСКИ Я.

ОТНОШЕНИЕ «БЕЛОЙ» РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ К УКРАИНСКИМ ВОПРОСАМ (1919—1939)

Эта статья возникла на пограничье исследовательских интересов к истории «белой» русской эмиграции и украинским проблемам межвоенных лет. Она является лишь попыткой очертить основные контуры темы и поразмышлять о некоторых ее аспектах, не претендуя на полное и всестороннее освещение. Автор использовал варшавские архивы и библиотеки, обратился к собраниям Bibliothèque de la Documentation Internationale Contemporaine (BDIC) и Библиотеки им. И. Тургенева в Париже, а также Saadtsbibliothek в Берлине, однако ему не удалось получить доступ в так называемый Пражский архив в той его части, что находится в Киеве.

Малороссия или Украина?

Поражение «белых» в Гражданской войне выбросило из России на чужбину сотни тысяч людей. Обычно их называют «русской эмиграцией», но на самом деле это были не только русские. В эмиграции оказались украинцы, грузины, армяне, а также, считающие себя почти особой национальностью, казаки. Все они верили в скорое освобождение и возрождение прежней, «единой и неделимой», России, с трудом соглашаясь под давлением обстоятельств, с территориальными уступками в Финляндии, Польше и, в какой-то мере, Прибалтике. Поэтому с самого начала проблема будущего Украины вызвала бурную реакцию. Для абсолютного большинства русских эмигрантов возможность отделения Украины была в чем-то противоестественным, чуждым всему ходу истории России, проникнутой идеей «триединой русской нации», часть которой, наряду с «великороссами», были «белоросы» и «малороссийские племена» [1]. В предпринимавших эмигрантами-интеллектуалами попытках реинтерпретировать историю российско-украинских отношений прослеживалось тяготение к традиционным подходам. Вспоминали тезисы К. Аксакова о том, что Россия сложилась не как результат завоевания, а вследствие «добровольного признания власти» [2]. Особую опасность для единства Украины и России видели в связях Украины с Польшей, сохранившихся даже после разделов Речи Посполитой благодаря слишком терпимой, как считалось, политике царского правительства по отношению к полякам, их хозяйственному и культурному присутствию. Последнее трактовалось в устоявшихся категориях «латинской диверсии» внутри славянского мира, абсолютной несовместимости «латинства» и «славянства» [3]. Подобную точку зрения разделяли, в частности, авторы первых публикаций возникшего в Праге в 1929 г. издательства «Единство». Князь А. Н. Волконский напомнил об исторической общности названия «Русь» для всех русских племен, И. И. Лаппо писал о единстве русского народа в период присоединения Малороссии к Московскому государству,

В. А. Мякотин рассматривал значение соглашения в Переяславле в 1654 г., П. Бицилли доказывал пользу для Малороссии союзов с Россией, защищавшей Украину от влияния «другой, сильнейшей культуры». Авторы «Единства», представлявшие разные политические ориентации, даже допуская право украинцев на культурную автономию и осуждая русификаторскую практику Петербурга, были едины в неприятии «украинского сепаратизма» [4. № 3333]. Однако не они и не парижские эмигрантские интеллектуалы оказывали определяющее влияние на формирование нового синтеза истории России. Эта роль принадлежит несомненно евразийцам, а среди историков-евразийцев — Г. В. Вернадскому, сыну первого президента Украинской Академии наук. По мнению Вернадского, общность евразийских народов преобладала и преобладает над их этнической, культурной, хозяйственной дифференциацией. Объединительной основой является некий психологический тип, проявляющийся в чувстве евразийского единства, в ревностном отношении к религии, естественно, православной, в стремлении к централизованной государственной власти [5; 6]. Национальные элементы отодвигаются на второй план, будучи только компонентами сложной геосторической конструкции, в которой, например, монголы оказывались ближе русским людям, чем западные славяне, прежде всего поляки. Для Вернадского всякие попытки обособления Украины были непризнанием фундаментальных принципов евразийской историософии. Объединение Украины с Россией он считал поворотным моментом в отношениях между «восточными славянами» и Польшей, решающим фактором превращения Московского царства в Российскую империю, а, следовательно, формирования евразийской государственности. Вернадский осуждал унию как «папскую агрессию» и «загрязнение» ортодоксальной христианской веры, нарушающее евразийскую культурную гармонию.

Для полноты картины следует заметить, что идея «триединства» в различных ее интерпретациях и по разным мотивам имела также немало украинских сторонников. Особенно восприимчивы к ней были те, для кого проблема будущности Украины сводилась к вопросу «с Польшей или с Россией», либо, пользуясь метафорой одного из украинских депутатов австрийского парламента, «утонуть в российском море или в польском болоте»? [7]. Упадок царской России, этой «могущественной покровительницы славянства», вызвал глубокий кризис в русофильстве галицийско-русского народа, как называли себя сторонники этой ориентации, жившие в Восточной Галиции. После возрождения Польского государства они связывали надежды на восстановление России, в которой «все части русской нации сольются снова в одно», с деятельностью русской эмиграции [8].

Еще более решительно настроенные, чем галицийские русофилы, течения существовали в Подкарпатской Руси, ¹ причем не без поддержки Чехословацкого государства. Сходные взгляды, правда, главным образом по вопросам политических союзов, мы находим среди «гетманцев», сторонников генерала Скоропадского в Германии [9.1930.4 VII; 10. Т. 965. S. 139—140; Т. 1055; 11], а также в некоторых украинских кругах во Франции, однако там их разделяло абсолютное меньшинство эмигрантов [12. 13 IX]. Равным образом движение «Хлиборобская Украина» связывало будущее скорее с «общностью освобожденных народов» России, чем с государственным единством [13].

Заслуживает внимания очень неоднородные в своих мотивациях интеграционные инициативы, с которыми выступала украинская сторона. Одна из них связана со сложившимися еще в самом начале XX в. миссионерскими концепциями митрополита А. Шептыцкого, имевшими целью преодоление «схизмы» или — после 1917 г. — даже рехристианизацию России [14]. В споре Шептыцкого с виленским архиепископом Роппом о том, кто будет руководить осуществлением этой великой миссии — только польский римско-католический костел или совместно с украинской греко-католической

¹ В данной статье используются топонимы, употреблявшиеся в тогдашней Польше.

церковью — Ватикан признал правоту митрополита. После высылки из России, выступая в Баварии в ходе своего длительного путешествия по странам Западной Европы и Северной Америки (1921), Шептыцкий призвал немецкую церковь поддержать его планы в новых условиях, что встретило крайне негативный отклик в Польше, вызвало разногласия среди украинцев и единодушный отпор русской эмиграции [15].²

На рубеже 20—30-х годов в 1938 г., в Чехословакии действовали стремившиеся к единству с Россией профессорские и студенческие украинско-русские организации. В 1938 г. начал выходить журнал «Украинская родина», провозгласивший создание Великой Украины «от Кавказа до По-прада». Еще большими амбициями отличались идеи ряда деятелей в Германии, которые включали в границы Украины дальневосточный «зеленый клин» [17; 10. Т. 964. С. 93]. Программа движения «Украинского вильного козацтва» (УНАКОР) имела в виду создание под эгидой Украины федерации «вольных казацких государств» от Днестра до Туркестана [18].

Россия без Украины.?

Таким образом, идея распада Российской империи и отделения Украины вызывала решительное, можно сказать, органическое сопротивление почти всех тех сил, которые, противостоя революцион, сформировали лагерь «белой» России, а позже оказались в эмиграции. Уже в ноябре 1918 г. на конференции в Яссах с участием ведущих деятелей «Земгора» (Союза земств и городов, позднее — Земскогородской комитет финансовой базы эмиграции), дипломатов, политиков и генералов русской армии и представителей румынского и французского правительств³ украинские инициативы, ведущие к независимости, получили решительный отпор. П. Н. Милюков не признавал само существование Украины, называя украинский язык «малороссийским жаргоном» [19]. Против отделения Украины были оба ведущих руководителя «белой» России — генералы Колчак и Деникин. Еще ведя боевые действия на Украине, Деникин провозгласил ее единство с Россией, объявил о присоединении Галиции и Холмщины как «исконно русских земель» и даже запретил прессе употреблять слово «федерация» [20]. Именно отношение Деникина к Украине стало основной преградой в сотрудничестве его войск с польской армией в войне 1920 г. [21. С. 226, 241—242, 249]. Двадцать лет спустя он писал, что «никогда Россия не допустит отторжения Украины . . . спор между Русью Московской и Русью Киевской есть наш внутренний спор . . .» [22; 23].

Пресса российской эмиграции в Польше (в частности «Слово»), касаясь проблемы Украины, не трактовала последнюю иначе, как неотделимую часть России, «колыбель российской государственности». Утверждалось, что украинский народ не созрел до независимости и не вынес бы ее бремени. Польская политика, ориентированная на отрыв Украины от России, подвергалась резкой критике [21. С. 180]. Единственным видным российским деятелем в Польше, поддерживавшим идею независимости Украины, являлся Борис Савинков. Однако приобретение Украиной самостоятельности он трактовал преимущественно инструментально: расчленение империи — а ведь именно к этому вела независимость Украины — должно было привести к возникновению на ее развалинах нового «союза земель и народов», своего рода «Восточноевропейских штатов». Правда, высказывания Савинкова в пользу независимости Украины в конце 1921 г. были более решительными [24].

² К участию в «миссии» на Востоке стремилась также французская церковь, с большим скептицизмом оценивавшая шансы польского духовенства как слишком предубежденного по отношению к восточнославянским народам. Немецкая церковь, со своей стороны, старалась при посредничестве Ропла установить сотрудничество с российскими церковными деятелями для проведения миссионерских акций в России. Об этом [16].

³ В конференции принимали участие, кроме румын, генеральный консул Франции в Киеве Хенно, бывший посол России в Румынии С. А. Козелл-Поклевский, бывший командующий российской армией в Румынии генерал Щербаков, В. В. Меллер-Закомельский, А. В. Кривошеин, П. Н. Милюков, В. И. Гурко, Н. Н. Шебеко, бывший посол в Вене Н. Ф. фон Дитмар, В. П. Рябушинский, В. Е. Демченко.

Подобные взгляды разделяли в то время лишь представители социалистических течений. Стремлениям Украины симпатизировали «народники-мессианисты». Видя будущее России в «славянской федерации», они подчеркивали, что идея эта восходит к «Братству Кирилла и Мефодия». «Народники-мессианисты» заявляли, что только «соединяя славянство в федерацию, Украина соберет себя!» [25]. Однако и само течение, и проповедуемые им идеи трудно назвать популярными среди русской эмиграции. Это были не более чем политико-историсофский фольклор.

Остальные эмигрантские круги были едины в отрицании права Украины на независимость, о чем свидетельствуют публикации в таких ведущих органах российского зарубежья, как парижские «Последние новости» и «Современные записки» [26]. Абсолютным неприятием идеи самоопределения Украины отличалось, в первую очередь, монархистское движение, объединившее разнородные организации и общества. Лишь короткое время, возможно, под еще свежим влиянием революции и Гражданской войны, в программных документах монархистов (например, съезда в Рейнхалле в июне 1921 г.) допускалась «местная автономия», и с оговорками признавалась независимость уже отделившихся «окраинных новообразований», самостоятельное существование которых, впрочем, считалось временным явлением. Уже на съезде в Берлине 5 июня 1922 г. произошло определенное отступление от этого «либерализма». А в 1924 г. «Высший монархический совет» объявил поворот к безусловному «самодержавию», отбросив всякие мечты о конституционализме, автономии и самоопределении. Монархисты имели по вопросу об Украине абсолютно ясную позицию — «единая и неделимая» [27]. В том же духе высказывались деятели Русского общевойскового союза (РОВС), к которому относились, например, генералы Кутепов и Миллер.

Группа социалистической ориентации, издававшая журнал «Грядущая Россия», выражала убеждение, что включение разных народов в состав России было следствием не захватов, но объединительных процессов. Допускалось, что в будущем их союз может приобрести иные, даже федеративные, формы, однако об отделении не может быть и речи [28]. Другой орган эмиграции, журнал П. Б. Струве «Россия и славянство», явно кокетничавший с Польшей, забыв о ее столь неприятном для всех славянофилов западничестве, и восхвалявший чехов, не проявил понимания относительно стремления украинцев к независимости. В дальнейшем журнал заметно эволюционировал вправо, открыв свои страницы для националистов-младороссов.

Проблема Украины неизменно была своего рода «пробным камнем» в политике европейских государств. Насколько чехословацкие власти старались учитывать различия между русской и украинской эмиграцией [29; 10. Т. 1055], настолько в Болгарии и Югославии, где все еще были живы старые русские влияния, не допускалось вообще никакого формального их разделения, и все выходящее из России считалось русскими. Во время организованных под покровительством Лиги Наций конгрессов национальных меньшинств часто возникали конфликтные ситуации, когда российские представители безуспешно выступали против предоставления отдельного статуса «днепровским» украинцам. Споры эти, в которые оказалась втянута также и Польша, заметно облегчали задачу Германии, использовавшей их для завоевания симпатий украинцев [30. 1929. 26 VIII; 1930. 25, 27 IV; 4. 1930. 10 IX; 31. 13 IV].

Как известно, опорой Российской империи были «три кита» — православие, самодержавие, народность. В данном случае нас будет интересовать православие. В эмиграции православная церковь продолжала стоять на страже единства империи, монархизма и великорусского господства. Оставляя в стороне очень сложные проблемы структуры зарубежного русского православия, отношений между отдельными его элементами, конфликтов между ними, канонических, персональных или политических. Деятельность так называемого Синода в Сремском Карловаце, где в 1921 г. возникло «Высшее русское церковное управление за границей» свидетель-

ствует о том, что православная церковь оставалась глубоко имперской по духу, решительно выступая против всякого национального сепаратизма [32]. С этой стороны национальные стремления украинцев не могли рассчитывать на какое-либо сочувствие.

С известной долей условности можно говорить, что до 30-х годов отношение русской эмиграции к украинским проблемам не выходило за теоретические рамки. С появлением III Рейха отчетливо обозначилась перспектива военного столкновения Германии с СССР. Это произошло в тот момент, когда прежние надежды на помощь западных держав, питаемые русской эмиграцией, совершенно рассеялись. «Динамичная» политика III Рейха, его антикоммунизм и антисоветизм перенесли весь комплекс российских проблем в гораздо более практическую плоскость. Это касалось также и проблем Украины во всей их сложности. Наступило время трудного выбора.

Российская эмиграция, имевшая опыт 1917—1918 гг., очень рано обнаружила интерес немцев к Украине и чрезвычайно чутко реагировала на него. С большой последовательностью критиковались концепции немецкой опеки над Украиной, в которой усматривалась перспектива ее колонизации [33]. В этом единственном дункте взгляды значительной части русской эмиграции совпадали с мнениями ненационалистических украинских течений.

С Гитлером против Сталина, или со Сталиным — защита России? При такой постановке вопроса Украина делалась инструментом политики III Рейха по отношению к России. Между тем Германия искала поддержки «белой» эмиграции, особенно среди ее националистических группировок [6. S. 115]. Противоречивость «украинской» и «русской» политики III Рейха была совершенно очевидной. И все же немцам удалось заручиться поддержкой наиболее монархических группировок и деятелей русской эмиграции. Генерал Бискупский, поставленный властями III Рейха во главе российской эмиграции в Германии, был решительным противником независимости Украины, великорусским «националистом и империалистом» [10. Т. 1035]. Карловацкий Синод не скрывал своего одобрения политики III Рейха и его начинаний. Лишь связи с сербской православной иерархией удержали его руководство от принятия приглашения обосноваться в Берлине [10. Т. 963. S. 417]. Пронемецкие, а вернее профашистские, тенденции сильнее всего проявились в течении «младоросов», которое с 1933 г. внезапно усиливает свою активность [6. S. 92; 34]. Именно из этого течения выделилась Российская национал-социалистическая организация, которая пыталась проникнуть в российские центры в Польше и даже в польские — в Германии [10. Т. 1072].

Пронемецкая ориентация не находила широкого признания в русском зарубежье вплоть до 1939 г., а может быть, даже до 1940 г. Все пользовавшиеся влиянием группировки и авторитеты «белой» эмиграции решительно отмежевывались от нее [33; 35]. В начале 1939 г. в Париже состоялась весьма представительная консультативная встреча разных течений эмиграции, посвященная осмыслению ситуации и поиску ответа на драматический вопрос: кого поддерживать в назревающем советско-немецком конфликте. Участники, а среди них были и профашистские элементы, согласились, что не следует связывать будущее России с Германией. Генерал А. И. Деникин отвергал самую дилемму «или защита России, или свержение Советов», полагая, что всегда надлежит руководствоваться только национальными интересами России. Немецкие интересы коренным образом противоречат интересам России, поскольку предполагают ее расчленение путем отделения, в первую очередь, Украины, а также «Кавказских государств», Кавказа и Туркестана. В резких выражениях Деникин осудил митрополита Анастасия, создавшего в 1938 г. церковно-общественный центр «для религиозного и политического объединения русского зарубежья» с целью поддержки планов III Рейха. Он указывал на недопустимость пропаганды прояпонской идеи украинского форпоста на Амуре, заселенного украинцами «зеленого клина» в качестве составной части «Великой Укра-

ины». Не соглашаясь с мнением «оборонцев» о возможности сотрудничества с Красной армией, Деникин очень категорично заявлял, что эмиграция ни в коем случае не может поддерживать «внешних захватчиков». Речь идет не о Сталине и Гитлере, а о России . . . [23. С. 31—38, 42, 64—68].

В Польше. . .

В условиях межвоенной Речи Посполитой интересующая нас проблема фигурировала не только в умозрительных конструкциях, затрагивая многие очень реальные сферы жизни. Здесь жили не только русские — эмигранты, имевшие особый правовой статус (отсутствие гражданства, нансеновские паспорта и т. д.), но и русские — граждане Речи Посполитой, русское меньшинство. Граница между ними была достаточно расплывчатой, усиливаясь лишь по мере проявления специфических интересов этих двух групп. Последнее утверждение можно отнести и к украинскому вопросу, который мог ставиться как глобально, так и применительно к реалиям многонационального Польского государства. Малоизученность темы не позволяет осветить события 1919—1920 гг., когда в соответствии с Варшавским договором на польско-советском фронте вместе с поляками воевали украинские и русские формирования. Отношения между ними были очень сложными, постоянно чреватые конфликтами. Достаточно указать на трудности с определением процедуры рекрутации новобранцев в условиях, когда множество центров претендовало на руководство российскими частями. Те из них, которые подчинялись правительству юга России (например, отряды генерала Глазенаппа), разделяли отношение Деникина к украинским проблемам и не сочувствовали действиям украинских отрядов в Польше. Интернирование русских и украинцев в Польше и их постепенное превращение в эмигрантов — также отдельная тема.

Из множества вопросов, связанных с отношением россиян к украинской проблеме, хотелось бы обратить внимание на два. Первый — интерпретация в условиях Речи Посполитой постулата «трисединства российской нации». Второй — реакция на вхождение части украинских земель в состав тогдашней Польши. Официально русские в межвоенной Польше не ставили под сомнение польскую границу на ее украинском отрезке. Более того, немало говорилось о стратегическом значении Польши как преграды, возможно самой мощной, между Германией и Россией. Присутствие в Речи Посполитой «определенного количества сепаратистски настроенных украинцев» считалось полезным для России, так как оно создавало известный противовес будущему «Украинскому Пьемонту» и, следовательно, отвечало интересам «единой и неделимой» [30. 1928. 23 V]. Одновременно критиковались те аспекты польской политики, которые способствовали развитию в России центробежных сил (возможно, это касалось так называемого прометеизма). В качестве дополнительного аргумента использовались намеки на последствия для Польши ее недалековидного курса: когда она вынуждена будет пойти на урегулирование своих отношений с «новой Россией», последняя может отказаться признать положения Рижского трактата [36].

Если не считать отдельных немедленно подвергавшихся критике «выпадов», российская сторона подчеркивала свою лояльность по отношению к Польскому государству в том его виде, в котором оно оформилось к 1921 г. Чтение таких изданий, как «За свободу», газеты Русского народного объединения, представлявшего «русские меньшинства» (виленские «Время» и «Утро»), галицийский «Русский голос» (Галицко-русская народная организация, позднее — Русская крестьянская организация) дает тому достаточно подтверждений. Все это не мешало, однако, российскому общественному мнению считать политику польских властей проукраинской, недружельбной по отношению к русским и, естественно, ошибочной. В период резкого обострения польско-украинских противоречий на рубеже 20—30-х годов русскоязычная пресса в Польше с плохо скрываемым удовлетворением комментировала происходившие тогда драматические события, оценивая их как крушение иллюзий о возможности польско-украинского соглашения. Впрочем, она была достаточно осторожна

в выражении собственного мнения, предпочитая пересказывать сообщения эмигрантской печати других стран, внимательно следившей за международными конфликтами в Речи Посполитой [4. № 225; 31. № 2955; 12. № 1927]. Любопытно, что в шумной пропагандистской кампании, развязанной тогда на Советской Украине по поводу событий в Галиции и на Волыни, звучали похожие ноты радости с крахом политики польско-украинского соглашения [37. 28, 29 V; 38]. В рассматриваемый период многим казалось, что за украинскими выступлениями кроется вмешательство иностранных государств, немецкого или советского [31. 12 VI; 37. 20 VIII; 30. 1928. 7 XI].

Отстаивание в открытой или завуалированной форме идеи «триединой российской нации» было лейтмотивом большинства кампаний, проводимых эмигрантскими центрами в межвоенной Польше. Таковы выступления против «отрыва от общих корней», ставившие под сомнение национальную самобытность украинцев и белорусов, против «украинизации школ», «украинизации» и «белорусизации» православной церкви в Польше, «украинизации» староусинов, русинов и лемков, прогерманской направленности национальной политики Речи Посполитой. Русская эмиграция — в данном случае имеется в виду русское зарубежье в полном его объеме — считала все «российские» национальности Речи Посполитой русским населением. Поэтому в школьной политике польских властей, предусматривавшей создание украинских и белорусских учебных заведений, виделась прежде всего созвучная «дерусификация» молодежи, либо ее «полонизация». Сформировавшись в начале 20-х годов, эта точка зрения оставалась неизменной на протяжении всего межвоенного двадцатилетия [39].

Близка по своей сути, но несравненно более острая и непримиримая борьба велась вокруг статуса и характера православной церкви в Польше. Главным ее предметом была автокефалия православной церкви в Польше, которой добивались польские власти, заинтересованные как в окончательном разрыве ее связей с Московской патриархией, так и в ограничении контактов с карловацким Синодом. Большую остроту приобрели споры о форме «соборности» (синодальная или приходская) и языке литургии (украинский, белорусский или польский). Простая хроника событий — постановления специально созывавшихся конференций и контрконференций, отлучение «украинизаторов» от церкви и их возвращение в ее лоно, взаимные осуждения и оскорбления — заняла бы слишком много места. Ограничимся лишь констатацией того, что если проблема автокефалии и экуменического союза с Константинополем не вызвала большого накала страстей, то оппозиция приходской «соборности», и особенно тесно связанной с ней «украинизации» и «белорусизации» церкви была необычайно сильной как со стороны иерархов православной церкви в Польше, так и со стороны представителей «русского меньшинства» в лице прежде всего Русского народного объединения. В этих требованиях виделся вызов русскому характеру церкви и, следовательно, идее «триединства» российской нации [40. 1923. VII—VIII]. Это не мешало подвергать резкой критике консерватизм иерархии, сводившей проблему только к борьбе против «украинизации» церкви, в то время как действительная задача заключалась в утверждении такой «соборности», которая бы стояла «над делениями и национализмами как украинским, так и русским» [30. 1928. 7 XII].

В этой краткой характеристике мы опустили множество событий, относящихся к взаимодействию православной и греко-католической церковью. Иногда оно носило позитивный характер, примером чему может служить выступление Шептыцкого против закрытия польским правительством православных церквей, бывших в свое время костелами, но отнятых у католиков царизмом. Имели место и случаи совсем иного рода, такие как противодействие православной иерархии проникновению униатского костела на Волынь, Полесье и Виленщину или отказ целой парафии в Станиславовском воеводстве в униатском обряде. Подобные факты религиозного диктата болезненно воспринимались общественным мнением украинских греко-ка-

толиков. Судьба унии в Галиции, на Волыни и в Подкарпатской Руси решалась на фоне столкновения двух ориентаций — «русинской», пророссийской в своей сути в силу культурного тяготения к России, и противостоящей ей — украинской. Оживление русинского движения в 1928 г. проявилось в преобразовании Галицко-русской народной организации в Русскую крестьянскую организацию, что указывало на перемещение ее активности из города в деревню [40. 1928. 17 VI; 30. 1928. 20 VI; 42]. Это движение видело в украинском начале отступничество и ренегатство, «разрыв единства с исторической Русью», обрекающей русское население на скорую колонизацию, поскольку изучение украинского языка в школах считало «петлюризацией молодежи» [40. 1928. 21, 26 X; 1929. 1 IX]. Украинская пресса с большим беспокойством констатировала неожиданное превращение «хлібоїдив» в активных «москалофилов».

Пресса российской эмиграции, как в Польше так и за ее пределами, живо интересовалась этим противостоянием, усматривая в нем проблему общероссийского значения. Хотя речь идет в основном об освещении событий в Закарпатской Руси, украинско-русинское соперничество в Чехословакии отнюдь не было изолировано от противоборства тех же сил в Польше. Так, общество им. М. Качковского в Львове и общество им. Духновича в Ужгороде тесно взаимодействовали друг с другом [9. 1929. 27 VIII]. Со своей стороны украинские организации Галиции, поддерживаемые грекокатолическим духовенством, развивали активность на Подкарпатской Руси, тесня «русинскую» ориентацию, которая здесь была сильна и пользовалась расположением властей, а также некоторых политических партий Чехословакии. В атмосфере нараставшего конфликта дело дошло до террористических актов, рассчитанных на демонстративный срыв празднования «Дня русской культуры» в Ужгороде. Покушение семинариста-украинца на архидьякона Сабова 2 июня 1930 г. вызвало сильное возмущение в Чехословакии и бурную реакцию российской эмиграции [31. 7 VI; 43]. Ситуация вновь обострилась в 1938—1939 гг. в условиях германской экспансии [44]. Пути истории порой извилисты, и отголоски тогдашних событий отражаются в какой-то мере в тех политических тенденциях, которые характерны для сегодняшнего дня [45].

В данном очерке позиции «белой» эмиграции по украинской проблеме автор сосредоточился прежде всего на вопросах политического характера, не касаясь культурной сферы и в частности, литературы, которая также является отражением умонастроений того или иного общества. И тем не менее убежден в том, что даже при значительном расширении объема исследования общие выводы не подверглись бы серьезной корректировке. Проблема Украины почти всеми направлениями российской эмиграции решалась абсолютно однозначно, а отклонения от общепринятых взглядов были весьма незначительны. Ее органичный союз с Россией трактовался как безусловная историческая необходимость. Думается, однако, что оценка данного феномена, а значит и наши выводы, не должны выражаться в категориях осуждения. Таковыми были намерения пишущего эти строки, независимо от того, удалось ему следовать им или нет. Полагая, что ошибочно видеть в изложенной выше позиции русской эмиграции исключительно выражение великодержавного высокомерия, стремления к имперскому господству, приверженности известной формуле «держать и не пущать!» Отношение русского зарубежья к Украине заключало в себе, без сомнения, нечто значительно большее — глубокое осознание этнической, культурной, исторической связи с украинцами, драмы, разыгрывающейся на стыке двух национальностей и отражающейся на их судьбах.

В заключение хотелось бы в концентрированном виде назвать те доминанты, которые определили отношение русской эмиграции к Украине. К ним относятся:

— заложенное в историческом сознании и подкрепленное работами историков убеждение в общности Украины и России, из взаимно обогащающей и дополняющей «разнородности в единстве»;

— почти мистическое отношение к той части «земли русской», откуда «пошла Русь», к колыбели отечественной истории, государственности, религии, «национального духа»;

— понимание, рациональное и инстинктивное, что подобно тому как присоединение Украины к России создало фундамент великого Российского государства, ее утрата должна привести к упадку и распаду последнего;

— существование на украинской почве ориентаций, признающих и поддерживающих свой этнический, культурный и исторический союз с русскими;

— осознание (особенно в 30-е годы) того, что стремление Украины к самостоятельности открывает возможности внешним силам сделать ее инструментом для достижения своих собственных целей, враждебных как России, так и самой Украине.

Учет этих аспектов позиции русского зарубежья по украинскому вопросу позволит не только разобратся в процессах, происходивших в 20—30-е годы, но и преодолеть эмоциональный подход к анализу острейших конфронтаций сегодняшнего дня.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Rudnytskyj J.* The Burden of History // Poland and Ukraine. Past and Present. Edmonton; Toronto, 1980. P. 14.
2. *Бунаков И. И.* Пути России // Современные записки. 1920. Т. 2.
3. *Ланно И. И.* Западная Россия, ее соединение с Польшей в их историческом прошлом: Исторические очерки. Прага, 1924.
4. Сегодня. Рига. 1930.
5. *Vernadsky G. A.* History of Russia. New Haven, 1959. Vol. IV; *Halperin Ch.* Russia and the Steppe. George Vernadsky and Eurasianism // Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte. Berlin, 1985. Т. 36; Народное и человеческое. По поводу «Евразийского вестника» // Современные записки. 1925. Т. 24. Кн. IV. С. 484; *Шаховская Э.* Отражения. Париж, 1975.
6. *Johnston R. H.* New Mecca, New Babylon ... Montreal, 1988.
7. *Кушнир В.* Спроба характеристики ідейних підстав українського політичного русофільства. Прага; Берлін, 1924; *Наш Г.* Петлюрищина // Новая Україна, 1925. № 1; *Григорів Г.* Наша позиція — самостійна // Новая Україна. 1927. № 9, 10, 11.
8. «Камо грядеши?» // Рассвет. 1923. № 2.
9. Діло.
10. Archiwum Akt Nowych. Ministerstwo Spraw Wewnętrznych. Warszawa.
11. Новая заря. 1938. III.
12. Возрождение. Париж. 1930.
13. La Libre Ukraine. Constantinople. 1921; *Аргунов А.* Крестьянский вопрос в программах заграничных группировок // Свободная Россия. 1926. № 8. С. 60.
14. *Korolevsky S. (Charon J.)* Metropolitte Andrée Szeptycky. 1865—1944. Rome, 1964. S. 155, 193; *Топол М. А.* Виза на убийство // Военно-исторический журнал. 1990. № 11. С. 48.
15. Gra polityczna we Wschodniej Malopolsce // Kurier Warszawski. 1921. 23 X; *Rawita-Gawroński F.* Misjonarskie zamiary Metropolity Szeptyckiego // Rzeczpospolita. 1921. 27 X; *Gazeta Warszawska.* 1921. 30 X.
16. Kościół katolicki o misji na wschodzie // Rzeczpospolita. 1921. 23 XI; *Gratry O.* «La Croix», P. Paléologue i P. Sazonow // Kurier Poranny. 1921. 23 XI; Propaganda ukraińsko-rosyjska wobec unii kościółów // Kurier Poranny. 1921. 21 XII; Religijne i polityczne zagadki kwestii rosyjskiej // Kurier Poranny. 1921. 24, 25 XI; Per unione dei Russi alla Chiesa catholica // Osservatore Romano. 1921. 7 II.
17. Врємя. Вильно. 1930. 8 VI; Информация агентства «Россунинт». 1930. 24 V; *Габрусевич И.* Місце України в світі. Б. м., 1940.
18. Ідеологія українського вільного козацтва (УНАКОР). Б. м., 1936.
19. *Маргулис М.* Ясская делегация. Летопись революции. Берлин, 1923. С. 197.
20. На родине // Современные записки. 1920. Т. 2. С. 268.
21. *Józefenko A.* Polska a «biała» Rosja. Od listopada 1918 do kwietnia 1920. Wrocław, 1973.
22. *Дешкин А. И.* Кто спас советскую власть от гибели. Париж, 1937. С. 11—12.
23. *Деникин А. И.* Мировые события и русский вопрос. Париж, 1939. С. 34—36.
24. *Rawita-Gawroński F.* Na rosyjskim rozdrożu // Rzeczpospolita. 1921. 10 X.
25. *Плечов В.* Русский миссианизм и славянство // Третья Россия. 1932. № 1.
26. *Миллюков П. Н.* Политическая деятельность «Последних новостей» // Последние новости. Юбилейный сборник. Париж, 1931. С. 24—25; *Гуль Р.* Я унес Россию. Апология эмиграции. Нью-Йорк, 1984. Т. II. Россия во Франции. С. 86; К юбилею «Современных записок» // Современные записки. 1933. Т. 51. С. 431.
27. Обломки прошлого. Русские монархисты в эмиграции // Свободная Россия. 1924. № 5. С. 204.
28. *Чайковский Н. В.* Наш путь к оздоровлению // Грядущая Россия. 1920. № 1.

29. Secours prêté par les Tchecoslovaques aux émigrés russes et ukrainins / Ed. du Ministère des Affaires Etrangères. Prague. 1924.
30. За свободу. Варшава.
31. Руть. Берлин. 1930.
32. *Seide Georg*. Verantwortung in die Diaspora. Muenchen, 1989. S. 80—81; *Seide Gernot*. Die Russische Orthodox Kirche im Ausland. Muenchen, 1983. S. 15—17.
33. *Бунаков И. И.* Союзнический мир. // Грядущая Россия. 1920. № 2. С. 146—147; *Марков А.* Украина и Германия // Последние новости. 1934. 18, 19 I; *R. K. Miraże* wschodniej Kolchidy // Robotnik. 1921. 18 XII; *Szczepkowski P.* Plany niemieckie na Rosję // Rzeczpospolita. 1921. 16 XII.
34. *Williams R. C.* Todt a Berne defender of the «Protocols» // The Wiener Library Bulletin. 1969. S. 15—16.
35. *П. П.* О германской ориентации и русском национальном достоинстве // Третья Россия. 1935. № 6, С. 88; Третья Россия. 1939. № 9. С. 10.
36. *Paszczanik P.* Terazniejszość i przyszłość // Za swobodu. 1930. 5 III.
37. Правда. 1930.
38. Известия. 1930. 9 X.
39. *Соколов Д. М.* Положение русской школы в Польше // Современные записки. 1924. Т. XVIII. С. 419.
40. Русский голос.
41. Наша жизнь. 1928. 18 XI.
42. Голос народа. 1928. 17 VI; Земля и воля. 1928. 17 VI.
43. Россия и славянство. 1930. 13 XII; 1931. 12 XII.
44. Меч. Варшава; Париж, 1939. № 1.
45. *Виднянский С. В., Сюшко И. М.* Русины-українці в чехословакиї. Процес національного самоусвідомлення // Український історичний журнал. 1991. № 5. С. 86.